

Социально-экономическая неопределенность 1990-х годов на Чукотке как проблема и как ресурс¹

НИКОЛАЙ
ВАХТИН

Одно историческое событие проплывает, как облако над озером, над приватной, частной, то есть по-настоящему реальной жизнью; ничегошеньки не кольхнется, разве что в неподвижной воде промелькнет отражение облака. Другое событие налетает грозой, поднимает страшную бурю, так что озера потом не узнать. Есть и третий тип исторических событий: они высушивают любое озеро до последней капли.

СЕБАСТИАН ХАФНЕР. *«История одного немца»*

ВВЕДЕНИЕ

О понятии «неопределенность»

Понятие неопределенности в экономическую науку ввел в 1921 году Фрэнк Найт в книге «Risk, Uncertainty, and Profit»²; отсюда оно было заимствовано другими социальными науками и принесло с собой разнообразные, часто неосознаваемые, экономические кон-

- 1** Статья написана в рамках проекта РНФ № 22–18–00238 «Земля храбрых: преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике». Статья обсуждалась всеми участниками проекта, которым автор признателен за предложения и критику. Автор выражает особую благодарность Анастасии Карасевой и Кириллу Истомину за многочисленные и очень полезные замечания к первому варианту этой статьи.
- 2** KNIGHT F.H. *Risk, Uncertainty, and Profit*. Boston: Houghton, Mifflin, 1921.

CASE
STUDY 1

059

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

Николай Борисович Вахтин (р. 1950) – лингвист, специалист по языкам и культурам народов Севера, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор монографий о языках эскимосско-алеутской семьи, юкагирских берестяных грамотах и других работ.

нотации. В частности, поскольку для экономистов привычно видеть мир через призму экономического роста и считать факторы, способствующие этому росту, позитивными, а препятствующие – негативными, восприятие неопределенности как чего-то плохого, как того, чье влияние нужно уменьшить, а лучше вообще устранить, «контрабандно» проникло и в социальную антропологию.

Американский философ Джон Дьюи, использовавший этот термин, определял неопределенность как «разрыв между знанием и действием»³, то есть как ситуацию, когда человек должен действовать, не обладая знанием, способным подтвердить правильность действий. Для тех областей социального знания, в которых непопулярно понятие «рационального выбора» – и, следовательно, понятие «рационального потребителя», – определение неопределенности как *действия в ситуации недостатка информации* выглядит странно. Человек крайне редко обладает исчерпывающей информацией о ситуации и практически всегда должен действовать в условиях неопределенности: от пресловутого «брать зонтик или не брать» до серьезных жизненных решений – таких, как покупка недвижимости, брак или переезд в другой город.

В разных дисциплинах неопределенность понимается очень по-разному, и даже в пределах одной науки каждый исследователь определяет ее по-своему. Говоря про исследования международных отношений, Брайан Ратбан не без иронии отмечает:

«Реалисты определяют неопределенность [*uncertainty*] как *страх*, вызванный анархией и возможностью хищничества; рационалисты – как незнание, присущее играм с неполной информацией и принуждением; когнитивисты – как *растерянность* при принятии решений в сложной ситуации; конструктивисты – как *не(пред)-определенность* [*indeterminacy*] во многом социально сконструированного мира»⁴.

Добавляет терминологических проблем несоответствие значений синонимических рядов по-русски и по-английски: английское *uncertainty* может означать по-русски как «неопределенность», так и «неуверенность», а русское неопределенность по-английски может передаваться и как *uncertainty*, и как *indeterminacy*.

В данной статье я понимаю неопределенность как *возникающую, внешнюю по отношению к человеку или группе ситуацию, которая делает невозможным привычное (рутинное)*

3 DEWEY J. *The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action*. New York: Milton, Balch and Co., 1929. P. 39.

4 RATHBUN B. C. *Uncertain about Uncertainty: Understanding the Multiple Meanings of a Crucial Concept in International Relations Theory* // *International Studies Quarterly*. 2007. Vol. 51. № 3. P. 533.

существование, нарушает имевшиеся у них краткосрочные, среднесрочные или долгосрочные планы и препятствует выработке новых планов. Это определение близко к подходу Ребекки Брайант и Дэниэла Найта, авторов книги «The Anthropology of the Future»⁵, в которой неопределенность понимается как то, что определяет горизонт ожиданий: если неопределенность значительно вырастает, то люди могут потерять образ будущего и начать «жить одним днем», не строя никаких планов. При этом, чем тщательнее сообщество или его отдельные члены планируют свою жизнь, чем жестче относятся к планированию, тем острее воспринимается возникшая неопределенность.

Одним из периодов в истории Чукотского автономного округа (ЧАО), когда неопределенность резко возросла, можно считать начало 1990-х. В это время стремительные социально-экономические изменения поставили значительную часть населения в ситуацию невозможности продолжать привычное существование, а также невозможности прогнозировать что бы то ни было: будет ли через месяц тепло в поселке, будет ли через неделю еда в магазине, заплатят ли послезавтра зарплату? – и так далее. Эта ситуация неопределенности длилась на Чукотке почти десять лет – от распада прежних экономических структур и до 2000 года. Она воспринималась очень остро не только потому, что объективно привела к краху экономики, обнищанию населения и местами просто к голоду, но и потому, что значительная часть населения ЧАО оказалась на Севере именно в результате тщательного планирования своей жизни: десяток-полтора лет работы на Севере по контракту должны были навсегда обеспечить семью финансово. На заработанные деньги члены семьи планировали обеспечить жильем себя и детей, купить автомобиль и так далее. Крах этих планов усилил ощущение бедствия.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

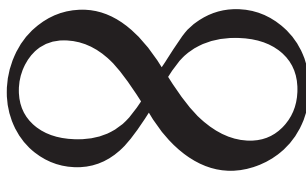
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

Неопределенность и кризисы

Утверждение, что неопределенность растет в эпохи политических и экономических кризисов, в периоды кардинальной социальной ломки (тех самых изменений третьего типа, о которых сказано в эпиграфе), применительно к экономике стало настолько тривиальным, что вошло в энциклопедию⁶. Нет

5 BRYANT R., KNIGHT D.M. *The Anthropology of the Future*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

6 «Определенность (познаваемость, предсказуемость) в экономике [...] способна усиливаться в периоды “спокойного” развития. Однако затем наступают периоды непредсказуемых глубоких научно-технических, социально-экономических и политических трансформаций, когда резко возрастает относительная роль неопределенности; тогда сложность хозяйственной системы приобретает новые качества, а прежний опыт и знания оказываются недостаточными» (*Неопределенность в экономике // Большая Российская Энциклопедия* (<https://old.bigenc.ru/economics/text/2260314>)).

сомнений, что политические, социальные и экономические события рубежа 1980–1990-х были именно таким кризисом, и, естественно, что социологи и антропологи, писавшие об этом времени, не обошли стороной понятие неопределенности, прежде всего в попытках описать разнообразные жизненные тактики на фоне финансового кризиса.

Это слово – «неопределенность», «uncertainty» – постоянно мелькает в научных текстах, посвященных концу 1980-х – началу 1990-х. Так, Майкл Буравой с Катрин Вердери подчеркивали, что «повседневная жизнь при постсоциализме *полна неопределенности* [*is beset with uncertainty*]»⁷. Каролайн Хамфри отмечала, что случившийся на рубеже 1980–1990-х полный развал всей предыдущей системы, всей привычной жизни «швырнул людей в состояние *радикальной неопределенности* [*radical uncertainty*]»⁸. Марта Лампланд пишет о венгерских «социалистических предприятиях», что они существовали «в ситуации *высокой степени неопределенности*»⁹. Ольга Шевченко описывает, как в Москве 1990-х люди справлялись с состоянием «*острой неопределенности* в повседневной жизни [*how people made sense of the acute uncertainties of everyday life*]»¹⁰. Сергей Ушакин в своей книге, посвященной прежде всего Барнаулу и Алтаю, пытается ответить на вопрос, какие символические ресурсы используют люди, чтобы создать нечто осмысленное в *контексте неопределенности*¹¹, и шире – как жители России справляются с «*концептуальной неопределенностью*»¹². Этот ряд несложно продолжить. Неопределенность, понимаемая как внешние по отношению к человеку обстоятельства, разрушающие привычную рутину и отрицательно воздействующие на возможность планирования, оказывается, таким образом, общепринятым фоном для описания постсоветской ситуации.

Объект, предмет и материал

Данная статья посвящена ЧАО и важнейшему для его новейшей истории периоду: концу 1980-х – началу-середине 1990-х.

- 7** BURAWOY M., VERDERY K. *Introduction* // IDEM (Eds.). *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 1999. P. 7.
- 8** HUMPHREY C. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economics after Socialism*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. P. XVII.
- 9** LAMPLAND M. *The Advantages of Being Collectivized: Cooperative Farm Managers in the Post-Socialist Economy* // HANN C.M. (Ed.). *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. London; New York: Routledge, 2002. P. 49.
- 10** SHEVCHENKO O. *Crisis and the Everyday in Post-Socialist Moscow*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2009. P. 59.
- 11** OUSHAKINE S. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. P. 28.
- 12** Ibid. P. 70. Здесь и в пяти предыдущих цитатах курсив мой.

Предмет данной статьи составляют особенности перехода ЧАО от советского состояния к постсоветскому. Ситуацию в ЧАО в этот период обычно описывали как состояние глубокого экономического кризиса, вызванного разрушением прежней советской административной и экономической системы¹³. В этой «прежней системе» ЧАО рассматривался прежде всего как источник ценных металлов – олова, золота, вольфрама и тому подобного, – которые нужно было добывать и транспортировать; его основные порты ценились как важная опорная точка Северного морского пути; кроме того, это был своеобразный символический форпост, который нужно было поддерживать, несмотря на его экономическую убыточность. В 1950–1960-е для выполнения этих задач были искусственно созданы благоприятные экономические условия для приезжих специалистов, что привело к резкому росту численности населения ЧАО, длившемуся до конца 1980-х. После 1990 года население ЧАО резко сократилось¹⁴.

30 лет назад, в 1993 году, я участвовал в совместной франко-швейцарско-российской экспедиции «Transibering Longines». Мне удалось тогда объехать всю северо-восточную Якутию и практически всю Чукотку. Основная моя задача была исследование состояния школьного образования в местных школах, однако параллельно я собирал материал и о состоянии экономики ЧАО, а также сведения и мнения о новых формах экономических объединений, которые тогда только начинали складываться. По результатам этой поездки был представлен отчет и сделан доклад (ноябрь 1993 года) на коллоквиуме в Париже «Народы Севера: культурное возрождение в контексте новой России»; этим публикации по теме более или менее и ограничились¹⁵.

В 1995-м и 1996 году вместе с Игорем Крупником я работал на Чукотке в рамках проекта «Environmental Change and Indigenous Knowledge»; на основе собранных материалов опубликованы две статьи¹⁶. Однако значительная часть материала осталась в неопубликованных отчетах¹⁷.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

- 13** См. в частности: KRUPNIK I., VAKHTIN N. *“In the House of Dismay”: Knowledge, Culture, and Post-Soviet Politics in Chukotka, 1995–96* // KASTEN E. (Ed.). *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002. P. 7–44; GRAY P. *Chukotka Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition* // Polar Research. 2000. Vol. 19. № 1. P. 31–37; NIELSEN B. *Post-Soviet Structures, Path-Dependency and Passivity in Chukotkan Coastal Villages* // Etudes Inuit Studies. 2007. Vol. 31. № 1-2. P. 163–181; THOMPSON N. *Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia’s Arctic Frontier*. Toronto: UBC Press, 2008. P. 113; и др.
- 14** Население Чукотки: 1939 год – 21 500 человек; 1965-й – 77 200; 1970-й – 101 000; 1990-й – 162 000; 1995-й – 95 000; 2000-й – 61 000; 2020-й – 50 000; 2023-й – 47 500 (THOMPSON N. *Op. cit.* P. 4).
- 15** ВАХТИН Н.Б. *Материалы экспедиции “Transibering Longines”, северо-восточная Якутия и Чукотка*. [Рукопись.] 1993.
- 16** KRUPNIK I., VAKHTIN N. *Indigenous Knowledge in Modern Culture: Siberian Yupik Ecological Legacy in Transition* // Arctic Anthropology. 1997. Vol. 34. № 1. P. 236–252; IDEM. *“In the House of Dismay”...*
- 17** ВАХТИН Н.Б., КРУПНИК И.И. *Отчет по материалам исследования в Чукотском А.О. Экологические изменения и роль народных знаний на Чукотке*. [Рукопись.] 1995; ОНИ ЖЕ. *Отчет по материалам исследования в Чукотском А.О. Экологические изменения и роль народных знаний на Чукотке*. [Рукопись.] 1996.

Все эти материалы использованы в данной статье. В центре внимания – ЧАО, материалы северо-восточной Якутии привлекаются для сравнения.

Подчеркну, что статья носит исторический характер: со времени, описанного в статье, и в экономике ЧАО, и в социальной сфере, и в области правового обеспечения деятельности родовых, семейных и территориально-соседских общин коренного населения¹⁸ произошли существенные изменения. Так, уже в июле 2000 года был принят 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». В последующие годы в этот закон вносились многочисленные изменения; последнее – это 403-ФЗ от октября 2022 года¹⁹, принятию которого предшествовало многолетнее обсуждение, включая парламентские слушания и опубликованные рекомендации²⁰. Сегодня в ЧАО действуют 68 общин коренных малочисленных народов – семейно-родовые и территориально-соседские общины, многие из них – вполне успешно. Однако период после 2000 года (в ЧАО известный как «эра Абрамовича») и последующая эпоха остаются за рамками данной статьи.

Основной вопрос

В 1989–1993 годах существовавшая в ЧАО с середины 1950-х социально-экономическая система на короткий срок пережила период неопределенности: привычная, рутинная жизнь практически всех жителей округа оказалась нарушена. Для ЧАО этот процесс был осложнен тем, что 17 июня 1992 года округ отделился от Магаданской области и стал самостоятельным субъектом федерации²¹. Это привело к резкому укреплению позиций местной (окружной) власти и к существенному перераспределению контроля за ресурсами. Ослабление же идеологического контроля центральной (федеральной) власти привело к взры-

Далее в сносках: «Отчет» и указание года. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о полевых материалах двух авторов – Игоря Крупника и автора данной статьи.

- 18** В этой статье я буду использовать термин «коренное население», «коренные жители» в его *юридическом* значении – то есть как вхождение этнической группы в официально утвержденный в «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2006), см.: *Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 года № 536-р*.
- 19** Федеральный закон от 20 октября 2022 года 403-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации”», вступил в силу 31 октября 2022 года.
- 20** О состоянии и проблемах правового регулирования традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. 28 апреля 2011 года (<http://council.gov.ru/media/files/41d44f24451fa583e9d2.pdf>).
- 21** Процесс отделения ЧАО от Магаданской области начался с решения II сессии окружного Совета 28 сентября 1990 года.

ву политической и экономической активности на местах, надеждам на развитие новых экономических форм, прежде всего в области традиционных видов деятельности коренных народов, на возрождение статуса и культуры коренного населения; это последнее движение в ЧАО было активно поддержано общественными организациями Аляски и Канады.

Этот краткий период быстро закончился. С одной стороны, окружная администрация вскоре превратилась в источник авторитарной бюрократической власти, каким прежде была советская бюрократия. Как мы писали 20 лет назад:

«Вновь закрепившаяся в Анадыре региональная бюрократия оставалась таким же стойким противником самоопределения коренных народов, как и прежние коммунистические власти советской эпохи; многие из них – те же старые коммунистические аппаратчики, включая сюда и тогдашнего всемогущего чукотского губернатора»²².

О том же писал и Ниобе Томпсон²³, и – двадцать лет спустя – Наталья Наумова:

«[В 1990-е] государство немного отступило, предоставив коренным возможность создать объединения в защиту своих интересов и, в отдельных случаях, весьма успешно самим заниматься организацией и управлением морской охотой. Однако довольно скоро все охотничьи предприятия были муниципализированы в результате деятельности местных и региональных чиновников, [...] которые продолжали воспроизводить сложившиеся в советское время иерархии и были настроены против самостоятельных низовых инициатив»²⁴.

С другой стороны, экономический кризис, падение производства, срывы в поставках продовольствия, рост стоимости жизни и банкротство большинства предприятий ЧАО похоронили многие ростки новых начинаний и привели к резкому снижению уровня жизни²⁵.

Отсюда основной вопрос статьи: почему в конце 1980-х – начале 1990-х, в ситуации резко возросшей неопределенности при наличии интеллектуальных сил и значительной внешней поддержки округ так быстро вернулся на авторитарные рельсы? (Как изящно формулирует Каролайн Хамфри, «советское государство всеобщего благосостояния скукожилось, хотя его скелет сохраняется»²⁶.) Или иначе: почему система управления, образовавшаяся в ЧАО через 4–5 лет после 1989 года, оказалась

22 KRUPNIK I., VAKHTIN N. "In the House of Dismay"... P. 30.

23 THOMPSON N. *Op. cit.*

24 НАУМОВА Н.В. *Государство и охотники на морских млекопитающих в северо-восточной Чукотке*. Магистерская диссертация. Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2022. С. 99.

25 *Отчет*. 1995. С. 5.

26 HUMPHREY C. *The Collective Farms after Socialism // IDEM. Marx Went Away–But Karl Stayed Behind*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 445.

столь неотлично похожа на то, что было прежде? Об этом постоянно говорили многие информанты и в 1993-м, и в 1995–1996 годах (см. ниже). Каков механизм этого гомеостаза?

Этот вопрос отчасти напоминает тот вопрос, который тридцать лет назад задавали Майкл Буравой и Павел Кротов применительно к Воркуте: рабочие бастовали, требуя политических реформ; все их требования выполнены, реформы осуществились – компартия распущена, командная экономика разрушена, демократия введена, свободный рынок на каждом углу. Почему же «ничего не изменилось»? Почему «рабочее движение, начавшееся, чтобы добиться рыночной экономики, оказалось втянуто в слегка измененную форму прежнего порядка [*absorbed into a transmuted form of the old order*]»?²⁷.

Их основной ответ – причина в том, что все социально-экономические изменения сосредоточились в сфере обмена, а не в сфере производства, – перестал удовлетворять внимательных исследователей уже пять лет спустя²⁸. Другой их ответ – что устойчивость советской системы производства сдерживает политические изменения – на самом деле не более чем констатация факта. Да, постсоветское производство еще долго сохраняло все черты советской эпохи, а торговый капитал сам по себе не трансформировался в современный капитализм; да, тесные связи между директорским корпусом и политической властью препятствовали росту независимого класса производителей²⁹; да, у власти остались те же люди, удачно названные в 1996 году Катрин Вердери «enterpratchiks» (гибрид предпринимателя и аппаратчика)³⁰. Но каков социальный механизм этой устойчивости?

Евгения Лезина предлагает собственный ответ на этот вопрос: после 1991 года советские репрессивные органы не были окончательно демонтированы по образцу стран Восточной Европы; структуры и старые связи остались, и на этих связях была выстроена новая система власти (пусть иногда и с новыми людьми), оказавшаяся очень похожей на старую³¹. Это ско-

27 BURAWOY M., KROTOV P. *The Economic Basis of Russia's Political Crisis* // New Left Review. 1993. № 1/198 (March-April). P. 49–69 (<http://burawoy.berkeley.edu/Russia/vorkuta.pdf>).

28 См.: HUMPHREY C. *Trade, Disorder, and Citizenship Regimes in Provincial Russia* // BURAWOY M., VERDERY K. (Eds.). *Op. cit.* P. 19–52.

29 BURAWOY M., KROTOV P. *Op. cit.* P. 65.

30 Стивен Кольер предлагает еще один вариант объяснения: созданная в советские годы инфраструктура сильно затрудняла реформы, а иной раз делала их просто невыполнимыми, и, таким образом, откат к советской модели был вынужденным (COLLIER S.J. *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton: Princeton University Press. 2011. Ch. 8). Отчасти это подтверждается приводимым ниже примером с банковской системой – однако не понятно, почему, если инфраструктура (в данном случае банковская) не соответствовала новым задачам, ее так долго не реформировали.

31 Лезина Е. *XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. Гл. 6, 7.

рее всего важный фактор, однако это тоже не окончательный ответ, и, кроме того, это взгляд «с птичьего полета» – а нас интересует конкретный регион.

Вряд ли социального антрополога может удовлетворить и ответ типа: свободный рынок противоречит привычным патрон-клиентским отношениям, и у патрона есть инстинкт монополизировать власть и исключить потенциальную конкуренцию со стороны других патронов³².

Похожие вопросы ставили многие исследователи применительно к другим регионам и другим странам. Дэвид Андерсон писал: «интересно выяснить, как именно прежние социалистические формы координации промышленного развития с потребностями, определенными централизованно, оказались так легко возрождены в новых районах сосредоточения денег и власти»³³. О том же (применительно к Венгрии) вопрошала Марта Лампланд: «Какой фактор позволил бывшим социалистическим руководителям остаться на властных позициях и сохранить привилегии [*to stay in position of authority and privilege*]?»³⁴.

О том же писали и все, кто исследовал ситуацию на Чукотке. Так, Бент Нильсен писал полтора десятилетия спустя, что «[с]егодня на Чукотке нет ни социализма, ни коммунистической партии, но управленческие практики, как и общественные, и личные отношения, по-прежнему глубоко укоренены в советском образе мыслей»³⁵. Это, несомненно, так, но – еще раз – каков социальный механизм этой устойчивости?

Почему этот вопрос актуален сегодня

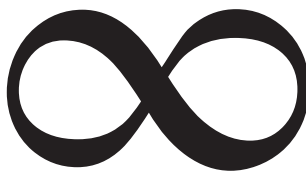
Пресловутая цикличность русской истории дает основания считать, что попытка реформы начала 1990-х в ЧАО не последняя. У этой территории и у ее населения, в том числе коренного, скорее всего будет еще как минимум одна возможность перейти от нынешнего состояния к ситуации, когда у них станет больше возможностей влиять на свою жизнь и судьбу. И сомнительно, что это произойдет само собой. Вряд ли верно, что, коль скоро некоторое состояние общества «лучше» другого, общество будет автоматически переходить к этому «лучшему» состоянию; и еще менее убедительно утверждение, что, коль скоро «лучшее» состояние общества существует, естественное направление движения будет вести в эту

32 Ср.: THOMPSON N. *Op. cit.* P. 101.

33 ANDERSON D. *Entitlement, Identity and Time: Addressing Aboriginal Rights and Nature Protection in Siberia's New Resource Colonies* // KASTEN E. (Ed.). *Op. cit.* P. 101.

34 LAMPLAND M. *Op. cit.* P. 43.

35 NIELSEN B. *Op. cit.* P. 166.

сторону³⁶. В этом смысле такой взгляд на историю, «будто ее единственной функцией является отражение постепенного наступления неизбежного»³⁷, неверен или по крайней мере непродуктивен. Другими словами, не существует закона, который автоматически приводил бы систему в «более лучшее» состояние, – наоборот, «естественное» направление движения скорее ведет вниз, чем вверх, а чтобы двигаться вверх, нужно усилие, в том числе и интеллектуальное. Осмысление прошлой (неудачной) попытки такого усилия может оказаться полезным в будущем; в этом смысле анализ ситуации в ЧАО в 1990-е в какой-то мере есть исследование одного из вариантов будущего, ожидание которого всегда включено в настоящее³⁸.

Вряд ли верно, что, коль скоро некоторое состояние общества «лучше» другого, общество будет автоматически переходить к этому «лучшему» состоянию; и еще менее убедительно утверждение, что, коль скоро «лучшее» состояние общества существует, естественное направление движения будет вести в эту сторону.

Социалистическая экономика ЧАО

Вся социалистическая экономическая система ЧАО, как и других регионов страны (и других «социалистических» стран), была построена на едином принципе, который исследователи постсоциалистических трансформаций называют «перераспределение ресурсов»: конкуренция шла за доступ к возможности распределять и получать ресурсы в ситуации постоянного дефицита (*endemic shortage*)³⁹. Существенно, что эта структура была многоступенчатой: на самом верху стояла центральная власть, которая имела право перераспределять ресурсы вниз, на следующий уровень, оттуда полученные ресурсы перераспределялись еще ниже – и так вплоть до председателя сельсовета и директора совхоза, от которых зависело, какая бригада

36 ANDERLINI L., SABOURIAN H. *Some Notes on the Economics of Barter, Money, and Credit* // HUMPHREY C., HUGH-JONES S. (Eds.). *Barter, Exchange, and Value: An Anthropological Approach*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992. P. 83.

37 ЭШТОН Т.С. *Трактовка капитализма историками* // *Капитализм и историки: мифы о промышленной революции*. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 68.

38 BRYANT R., KNIGHT D.M. *Op. cit.* P. 193.

39 VERDERY K. *Ethnic Relations, Economies of Shortage, and the Transition in Eastern Europe* // HANN C.V. (Ed.). *Socialism: Ideas, Ideologies, and Local Practices*. London; New York: Routledge, 1993. P. 174.

или какое предприятие в поселке получит больше благ. Катрин Вердери называет это «партийным патернализмом»: центр забирал все и затем перераспределял в соответствии со своим пониманием потребностей населения⁴⁰.

Власть в этой системе, собственно, и состояла в возможности (пере)распределять (совершенно не обязательно при этом эгоистически, хотя представители власти, как правило, себя не обижали). Это была основополагающая, структурообразующая характеристика власти; без нее власть как таковая в советской системе теряла смысл. Секретарь окружкома, председатель исполкома горсовета, председатель сельсовета просто не могли себе представить власть (и себя во власти) при отсутствии возможности (пере)распределять. Допустить существование независимых центров власти означало для них потерять часть перераспределительных прав, то есть уменьшить или полностью потерять власть; это означало недопустимый рост неопределенности как невозможности планировать – в данном случае планировать, кому, когда, каких и сколько выделить ресурсов.

Не хочется пользоваться затертыми и бессмысленными словами вроде «народ» и «власть», воспользуюсь очень условными терминами «высшие, средние и низшие эшелоны системы». Это требует комментария. В современной социологической литературе «до сих пор не сложилось единого мнения о том, какая модель стратификации присуща современной России»⁴¹. Один из вариантов анализа складывания этой современной системы выглядит так. Советское общество состояло из *двух* основных групп: одна включала аппарат партийного руководства и государственного управления, руководство предприятий, высококвалифицированных специалистов, в том числе «рабочую элиту», а также тех работников, деятельность которых была связана с системой распределения. Вторая – это массовая интеллигенция, рабочие, колхозники. Эти группы Наталья Тихонова называет соответственно «высокоресурсной» и «низкоресурсной»; по ее мнению, внутри каждой из этих групп уровень жизни разных ее составных частей был в советское время сопоставим⁴². Бинарную структуру советского общества отмечал и Финн Нильсен, пользовавшийся терминами «высшие и низшие эшелоны системы»⁴³.

Что касается постсоветской ситуации, то, насколько можно судить, в соответствующих разделах социологии принято выделять *три* страты. После 1991 года углубление социальной диф-

НИКОЛАЙ ВАХТИН

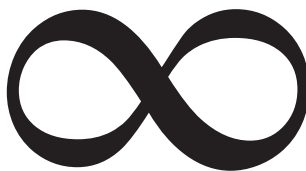
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

40 VERDERY K. *What was Socialism and Why Did it Fall* // OSTROW J.V. (Ed.). *Politics in Russia: A Reader*. Los Angeles: Sage, 2013. P. 72.

41 *Общество неравных возможностей: социальная структура современной России* / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2022. С. 10.

42 Тихонова Н.Е. *Социальная стратификация в современной России*. М., 2007. С. 288.

43 Нильсен Ф. *Глаз бури*. СПб.: Алетейя, 2004. С. 26.

ференциации привело к тому, что ранее гомогенная низшая группа распалась на «набор страт с качественно различным положением и жизненными перспективами»: некоторым ее представителям удалось «выбиться наверх» за счет мелкого и среднего бизнеса; при этом крупный бизнес остался вотчиной выходцев из высокоресурсных групп советского общества⁴⁴.

Для ЧАО рассматриваемого периода приходится пользоваться этой довольно грубой стратификацией, поскольку «для 1991–1993 годов нет надежных статистических и социологических данных о социальной стратификации российского общества; такие данные появляются только с 1994 года»⁴⁵. Здесь важно подчеркнуть, что появление в постсоветскую эпоху третьего (промежуточного) «эшелона системы» существенно усложняет ситуацию. Принадлежность к «высшему» или «низшему эшелону» становится относительной, конкретный человек может занимать обе позиции одновременно: по отношению к одним он «высший эшелон», по отношению к другим – «низший»⁴⁶. Директор поселкового дома культуры принадлежит к «среднему эшелону», для «высших» он подчиненный, для «низших» – начальник, от «высших» он получает, «низшим» – передает самые разнообразные блага и ресурсы⁴⁷.

Это – в теории. Реальная ситуация в ЧАО в 1990-е, как кажется, существенно отличалась от этой нормы как минимум в двух отношениях. Первое – это естественная удаленность и изолированность ЧАО как самого дальнего региона России; второе – специальные меры, которые принял губернатор ЧАО в 1990-е, чтобы ограничить проникновение посторонних в округ и контролировать выход информации вовне⁴⁸. Это, а также упомянутое отделение ЧАО в 1992 году от Магаданской области и превращение его в самостоятельный субъект федерации, поставило губернатора округа почти в уникальное положение: формально оставаясь в подчинении Москвы, для ЧАО он фактически был абсолютно «высшим эшелонем системы».

44 Тихонова Н.Е. Указ. соч. С. 289–290.

45 *Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения* / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: СПб., 2018. С. 205.

46 Кажется, что Юлиан Константинов (KONSTANTINOV Y. *Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in the Reindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula*. Uppsala: Uppsala University, 2015) недооценивает это обстоятельство: в ключевом для его книги выражении «power-to-grassroots talk» этот разговор понимается как прямой диалог властей и оленеводов.

47 Ср.: Веберовская модель приложима к современной российской ситуации «в четырех ключевых сферах жизни: экономическое положение, ситуация на работе, возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала, потребление и досуг». Однако «в реальности каждый человек характеризуется определенным набором их [этих сфер] признаков, которые [...] примерно в двух третях случаев сосуществуют друг с другом» (*Общество неравных возможностей...* С. 52).

48 См.: THOMPSON N. *Op. cit.* P. 101–102, а также данную статью – ниже.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ВЗГЛЯД СНИЗУ

Попытки перемен: самоорганизация, общины

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

К 1991 году стало окончательно ясно, что плановая экономика себя исчерпала. Вспомним, что переход от более или менее свободного рынка к жесткой плановой экономике занял в начале XX века примерно двенадцать лет (1917–1929) и был сопряжен с огромными человеческими страданиями; обратный переход совершался в условиях жесточайшего дефицита времени и в невероятно короткие сроки. Как и за восемьдесят лет до этого, никто толком не знал, как осуществлять такой переход; можно согласиться с Катрин Вердери, что «наиболее явное препятствие на пути трансформации собственности – то, что такого и в таких масштабах никто никогда не делал»⁴⁹. Неизбежные на этом пути ошибки (в том числе кадровые) быстро привели к образованию законодательного и управленческого вакуума, позволившего местным властям не просто тормозить и блокировать реформы, но и использовать ситуацию в своих интересах.

Власти ЧАО, как и остальные регионы, получили распоряжение начать реформы с опорой на указания из центра – в частности, на постановление правительства от 4 сентября 1992 года и на Указ президента от 29 декабря 1992-го⁵⁰. «Верхние эшелоны» внушали населению, что они знают, как переходить от старой (совхозной) системы к новой. В конкретных случаях «на обсуждение трудовых коллективов» предлагались разные варианты приватизации, но интересно, что власти всегда предлагали выбор не между всеми возможными вариантами, а только между теми, относительно которых у них была уверенность, что они не принесут неожиданностей, то есть фактически оставят все более или менее, как есть⁵¹.

Одним из таких предписанных сверху путей реформирования прежней системы было создание в ЧАО общин коренного населения; это виделось в начале 1990-х как путь к замене государственного управления экономикой (совхозов) на частную инициативу. Однако эти общины создавались тем же государством и на знакомых принципах. В этот период адми-

49 VERDERY K. *The Vanishing Hectare. Property and Value in Post-Socialist Transylvania*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2003. P. 77.

50 Положение о реорганизации колхозов, совхозов и приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий (утв. постановлением Правительства РФ от 4 сентября 1992 г. № 708), с изменениями и дополнениями от 11 декабря 1992 г., 3 августа 1998 г.; Указ Президента РФ от 27.12.1991 N 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР».

51 «Социальное неравенство в современном российском обществе – логическое следствие наличия на момент начала реформ 1990-х у разных групп населения различного объема ресурсов – во многом накопившихся на протяжении поколений» (Тихонова Н.Е. Указ. соч. С. 290–291; курсив в оригинале).

нистрация округа («высший эшелон») провела то, что можно было бы вслед за Владиславой Владимировой назвать «косметической трансформацией»⁵², или, как сформулировал Брюс Грант, выстроили «прежнюю систему под новым именем»⁵³. Государственные предприятия в спешном порядке, иногда принудительно, без учета мнения работников, превращались в акционерные общества⁵⁴. При этом «высший эшелон» оставил за собой несколько основных прав и позиций, которые гарантировали ему косметический характер этих трансформаций. Прежде всего это право принимать и вводить в действие новые законы или, наоборот, затягивать их принятие. Из-за этого в ЧАО в течение почти двух лет существовал юридический вакуум: к середине 1990-х здесь были, по утверждению наших информантов, несколько конкурировавших друг с другом проектов закона об общинах; в стадии обсуждения был и проект важного закона о юридическом статусе национального поселка. Пока эти законы не были приняты, формально созданные незадолго до этого в ЧАО общины коренного населения, как и поселки, юридически не могли стать ни земельными собственниками, ни финансовыми субъектами⁵⁵.

Так, Закон Чукотского автономного округа «Об установлении ставок земельного налога» был принят только в 1995 году⁵⁶ – и был далек от совершенства. В нем подробно определяется порядок сбора и ставки земельного налога в пределах округа на пашни, земли сельскохозяйственного назначения (кормовые угодья), оленьи пастбища, личные садовые участки, земли, занятые городами, поселками, промышленными и транспортными предприятиями, военными объектами. Но в этом законе не было ни слова об охотничьих и рыболовных угодьях. Никак не оговаривалось, кто и как владеет и как платит за пользование участками морского берега, угодьями для пушной охоты в тундре и

52 VLADIMIROVA V. *Having the Cake and Eating It: Transformation of Reindeer Ownership in NW Russia* // BEACH H., FUNK D., SILLANPAA L. (Eds.). *Post-Soviet Transformations: Politics of Ethnicity and Resource Use in Russia*. Uppsala: Uppsala University, 2009. P. 219.

53 GRANT B. *In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas*. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 144. Юлиан Константинов, смотревший на эту ситуацию из другого региона (Кольский полуостров), называет так называемую «перерегистрацию» совхозов в 1992–1993 годах в товарищества с ограниченной ответственностью или в другие правовые формы «простым переименованием»; кроме того, эта реформа охватила не более половины всех государственных сельскохозяйственных предприятий страны (KONSTANTINOV Y. *Op. cit.* P. 210).

54 Молчанов И. *Семь кругов ада «Бытовика»* // Крайний Север. 1995. 25 июля. С. 5; Пятернина Л.К. *Не так живи, как хочется* // Крайний Север. 1995. 20 июля. С. 4.

55 В отличие от ЧАО, Верховный Совет Республики Саха (Якутия) в 1992 году разработал и принял закон «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера» (см.: <http://yakutiakmns.org/istoriya>). Федеральный закон 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» был принят только в 2000 году.

56 Принят Думой Чукотского автономного округа 17 февраля 1995 года – при том, что постановление главы администрации ЧАО было опубликовано в июле 1992-го, а решение VIII сессии Совета народных депутатов ЧАО по этому вопросу состоялось в декабре 1992-го (<https://docs.cntd.ru/document/805043840>).

так далее. И если «юридические и физические лица, занимающиеся оленеводством», были освобождены от уплаты земельного налога за олени пастбища, то о морских охотниках просто забыли: использование эскимосами морских и сухопутных ресурсов никакими законодательными актами не регулировалось.

В отсутствии законов действовали прежние нормы отношений между властью и общественными организациями – так, как они понимались «высшими эшелонами». Приведем несколько примеров⁵⁷.

Пример 1. Общество эскимосов Чукотки «Юпик», созданное в августе 1990 года, заключило в 1994-м договор с одной из территорий севера Аляски (North Slope Borough) по изучению миграции серого и гренландского кита. Американская сторона выделила средства на зарплату наблюдателей и на обеспечение их снаряжением. Наблюдение должны вести опытные местные жители. Официально были оформлены наблюдателями восемнадцать человек – коренные жители Провиденского района – и столько же в Чукотском районе. От каждого поселка три наблюдателя должны были вести мониторинг миграции морских животных с апреля 1994-го до конца 1995 года.

На проведение этой и других аналогичных программ Общество получило с Аляски патроны, рации, бинокли, моторы и другое снаряжение – благодаря этому оно могло бы стать независимым от совхозов источником первоклассного морского снаряжения для местных охотников. Однако пять моторов, предоставленных безвозмездно американской стороной, в течение года задерживались на таможне в бухте Провидения из-за неспособности Общества заплатить таможенную пошлину (2500 долларов за каждый мотор).

Реальная процедура отправки наблюдателей также выглядела далеко не гладко. В начале июля 1995 года на наблюдательный пост в районе бывшего поселка Аван выехали трое эскимосов-пенсионеров из поселка Сиреники. Поставив палатку, они начали наблюдать в бинокли за ходом морского зверя и записывать результаты наблюдений в дневник. На второй день в офисе Общества раздался телефонный звонок от пограничников; начальник погранотряда сообщил – полусерьезно, полушутя: «А мы ваших арестовали!». Выяснилось, что Общество забыло «попросить разрешения» на этот конкретный выезд (эта забывчивость сама по себе очень характерна как индикатор надежд на изменение ситуации). Абсурдность ситуации была очевидна обеим сторонам, но тем не менее для ее формального разрешения было написано следующее письмо:

57 Отчет. 1995.

«Командиру ВЧ № ...»

Доводим до Вашего сведения и просим согласовать и выдать необходимые документы на право работ и пребывание на участке побережья моря. Общество эскимосов Чукотки направило на берег моря, у озера Истихед, бывшее селение Аван группу коренных жителей села Сиреники:

1. М.Д. – 60 лет
2. М.О. – 63 года
3. Г.Н. – 60 лет⁵⁸

Задачи группы: наблюдение за морем, записи о численности мигрирующих китов, моржей, тюленей. Традиционная охота, рыбалка на море и в озере Истихед, надзор за древней стоянкой “Аван”.
Время пребывания: пост временный, до 1 декабря 1995 года. [...]

Просим согласовать данную программу проживания и деятельности указанных людей и выдать соответствующее разрешение.

Председатель Общества эскимосов Чукотки “Юпик”
6 июля 1995 года»

После того, как это письмо было направлено командованию пограничной части, стариков-наблюдателей оставили в покое. Добавим, что один из них когда-то родился в этом заброшенном поселке, а у другого там же родился его отец. То есть передвижение эскимосов по родной земле и посещение старых поселков могло осуществляться только по специальному разрешению пограничников. Такой порядок существовал на Чукотке по крайней мере с 1948 года; и, несмотря на изменение ситуации в 1990-е, для передвижения по собственной земле местным жителям требовался пропуск. Как виновато сказал один из эскимосских активистов: «нам нужно впредь прежде, чем посылать наблюдателей, выяснять, *какой заставе эта земля принадлежит*» [то есть подведомственна. – *Ред.*].

Пример 2. В 1994 году по инициативе канадской стороны коренные жители Чукотки вместе с канадскими инуитами и индейцами мапуче (Чили) включились в образовательную программу «Nunavut Sivuniksavut»⁵⁹. Программа предполагала три учебных семестра – два в Канаде, где с помощью канадских преподавателей студенты должны были получить знания по менеджменту, компьютерной грамотности, подготовке радио- и телепрограмм, английскому языку, и третий – на Чукотке, где уже получившие подготовку студенты под руководством канадских преподавателей должны были организовать летние курсы для детей и молодежи поселков ЧАО по аналогичной программе.

Первые два семестра программы прошли успешно; однако в ходе третьего возникли препятствия, которые не могли быть предвидены авторами проекта и которые являются хорошей

58 В оригинале полные имена.

59 См.: www.nunavutsivuniksavut.ca.

иллюстрацией трудностей на пути переноса опыта других стран на Крайний Север. Вот как рассказывал об этом один из наших информантов:

«Они [канадцы], конечно, молодцы. Но у нас трудно это проводить. Они у себя организуют летние лагеря для детей, а у нас в селах это сложно: нет финансирования. Трудно убедить людей поддержать, потому что село никак не приспособлено для этого. Деньги, которые они выделили, нельзя передать сюда, кроме как разве привести их на себе. Информация о проекте вообще не дошла до людей. В [бухте] Провидения программа прошла хорошо, в Чаплино ее пришлось сокращать, а до Сиреников они и вовсе не доехали. Когда они в самом начале приехали с этим предложением, я вообще не мог понять, чего они от нас хотят».

Хорошо финансируемые международные проекты наталкивались на Чукотке на отсутствие нормальной банковской системы. Даже если эти деньги и можно было привезти «в кармане», передать их со счета «Юпик» на счет администрации села для приема преподавателей и подготовки курсов не удавалось. При отсутствии нормальных финансовых отношений полезное дело превращалось в указание администрации села от «вышестоящей инстанции» в очередной раз сделать ту или иную работу бесплатно. Недостаточна оказалась и «информационная сеть»: местные газеты, радио- и телевизионные каналы, которые должны были распространить информацию о курсах, не сумели или не захотели этого делать. Так поддерживалась в неизменном виде прежняя иерархия территорий по доступности благ, в данном случае – по возможности участия в негосударственных образовательных программах: то, что хорошо прошло в районном центре Провидения, с трудом осуществилось в ближайшем к нему селе Новое Чаплино и вообще не достигло чуть более удаленного села Сиреники, куда информация просто не дошла. То есть «национальные» поселки опять оказались в самом низу иерархии даже в случае программы, которая была адресована непосредственно коренному населению.

Важно отметить, что в этих инициативах участвовали в основном – но не только – коренные жители: и если в Обществе эскимосов «Юпик» официально могли участвовать только коренные жители, то в образовательных программах и в других инициативах принимали активное участие и другие категории населения⁶⁰.

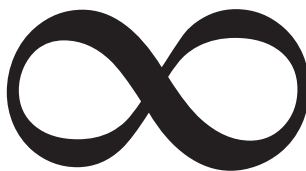
Но даже в описанных непростых условиях объединения коренных (и некоренных) жителей находили возможность добиться вполне реальных результатов. Вот еще один пример⁶¹.

60 Ср.: THOMPSON N. *Op. cit.* P. 114.

61 *Отчет.* 1995.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

Пример 3. В ноябре 1992 года в бухту Ткачен вошел пограничный военный корабль, который сбросил в воду большое количество топлива. Через несколько дней вдоль всего берега бухты стало выбрасывать трупы погибших от загрязнения птиц. В прежние времена жители в лучшем случае пожаловались бы в контору совхоза, а совхоз и сельский совет сообщили бы об этом в районный комитет партии. Теперь все было иначе. Пять жителей села, очевидцы происшедшего, составили акт, который был направлен в районную инспекцию охраны природы (рыбинспекция) и в отделение Государственного комитета экологии (Министерство охраны окружающей среды). Приехала комиссия, которая подтвердила загрязнение бухты нефтепродуктами. Более ста жителей села подписали коллективное письмо председателю Окружного совета народных депутатов Чукотского округа, в котором, помимо информации о загрязнении, были следующие слова:

«Берега бухты Ткачен являются традиционными местами охоты, рыболовства всех жителей села. Мы хотим знать, кто и как возместит нам потерю наших традиционных промыслов, потерю охотничьих и рыболовных угодий, мест сбора морской капусты, беспозвоночных. Когда прекратятся случаи загрязнения, браконьерства, имеющие место постоянно?»

Ответом на это обращение стало возбуждение судебного дела чукотской природоохранной прокуратурой. В адрес военной части был направлен иск на возмещение материального ущерба; военному прокурору было рекомендовано рассмотреть вопрос о привлечении к ответственности виновных, которые в итоге были оштрафованы. Это первый случай, когда община коренного населения смогла привлечь к ответственности всемогущих военных, хотя это и не принесло селу ничего, кроме морального удовлетворения: материальный эффект был нулевым как потому, что сумма штрафа никак не покрывала причиненного ущерба, так и потому, что деньги эти, следуя загадочной логике финансовой и налоговой системы, пошли не в бюджет непосредственно пострадавшего села, а в бюджет района.

Ситуация в соседней Якутии была во многом похожей; однако сравнение помогает оттенить особенности ЧАО. В Якутии, в отличие от ЧАО, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Якутии была организована 12 декабря 1989 года. В первую Конституцию Республики Саха (Якутия) (1992) были внесены положения по защите прав коренных народов. Было установлено, что Конституция защищает и обеспечивает их права, в том числе на владение и пользование в соответствии с законом землей и ресурсами, включая родовые сельскохозяйст-

венные, охотничье-рыболовные угодья. Здесь, в отличие от ЧАО, жители городов и поселков северо-восточной Якутии уже в 1993 году отлично видели ошибки центральной власти при организации новых хозяйственных форм и открыто говорили об этом.

Так, информанты в Черском (город на северо-востоке Якутии, на границе с ЧАО) подробно объясняли нам, почему создание общин по национальному принципу – это ошибка, «если не сознательная политика, направленная на стравливание народов между собой». О том же говорили и информанты из якутского села Андрюшкино, утверждавшие, что этнические общины «убили весь поселок, раскололи поселок по национальному признаку». Приведем очень характерное высказывание⁶²:

«Я, якут, живя здесь всю жизнь, считаю себя униженным. Мои родители здесь жили и умерли, а теперь мне не разрешают даже по реке проехать, так как это территория [якутской] общины, а я – якут и не член никакой общины. Я хотел летом к брату по реке проехать, говорят, без справки не проедешь. Должна быть справка: этому человеку разрешено проехать через территорию общины. Справку выдает администрация общины: юридически община обладает правом ограничить передвижение людей по своей территории, правом контролировать передвижение. Это – согласно закону Республики Саха о родовых общинах. Я считаю себя оскорбленным, и мой род тоже».

Как и в ЧАО, экономические реформы в Якутии проводилась «сверху»; рассказы якутских информантов об этом процессе очень похожи на те, которые мы слышали два года спустя в ЧАО. Вот рассказ информанта из Черского о Конференция чукчей, состоявшейся 11 апреля 1993 года в селе Колымское:

«Прошло все по старым образцам: из 27 делегатов 9 избрали в президиум – из них всего двое чукчи, остальные начальство. Выступали на конференции в основном начальники из Министерства: как они там заботятся о народах Севера. Даже процесс образования общин центр пытается взять под контроль. Бригадир одной из чукотских бригад получил для своей общины полную самостоятельность, вплоть до экономической, так его даже не пригласили на конференцию. Его бригада не вписывается в ту благостную картину, которую хочет видеть руководство»⁶³.

Если информанты в Якутии жаловались на то, что новые экономические формы введены с ошибками, то информанты в ЧАО в том же году говорили лишь о *необходимости будущих перемен* и об отсутствии каких-либо изменений. Сравним вы-

62 ВАХТИН Н.Б. *Указ. соч.*

63 Там же.

сказывания информантов, глав администраций двух поселков: чукотского Рыткучи и чукотско-эскимосского Уэлен:

«По-прежнему существует совхоз, никаких новых экономических форм нет. Две бригады собираются превращаться в фермерские хозяйства, но фермерам на полной окупаемости очень тяжело. Нет транспортных связей. Нужен собственный банк: каждой “ферме” накладно держать отдельного экономиста; банк должен быть районный или межрайонный. Грамотных людей на такой банк можно было бы найти – а вот найдутся ли честные? [...] Нужны “фермерские” хозяйства, полностью самостоятельные, плюс коммерческая или государственная посредническая структура с функциями завоза топлива, оборудования, продуктов и сбыта продукции. При преобразовании совхоза в фермерские хозяйства на базе совхоза нужно создать и такую посредническую контору».

«Беда [директора товарищества с ограниченной ответственностью]⁶⁴ в том, что он бывший комсомольский работник и полностью воспроизвел систему управления райкома: единоличная власть, круг любимчиков, которым он отрезает по куску от пирога власти (завскладом, отдел кадров и т.п.), презрение к людям. [...] Налоги вносятся в район, оттуда их перераспределяют и возвращают в село. Местный бюджет села должен формироваться из налогов – а налоги не возвращаются из района, возвращаются крохи. Собрать налоги в селе невозможно: нет механизма. Мы – власть без власти»⁶⁵.

Попытки перемен: школьное образование

Сходные явления наблюдались в это время и в сфере школьного образования, причем здесь, как и в истории с общинами, основными акторами были не только коренные жители. Система школьного образования в ЧАО в советское время мало чем отличалась от других частей страны: она была в высокой степени централизована, все школы должны были работать по единой программе. За исключением преподавания родных языков – эскимосского или чукотского, – никаких «национальных» элементов в этих программах не было. Лишь отдельные учителя-энтузиасты по собственной инициативе дополняли стандартную программу начатками сведений о природе и истории края.

В конце 1980-х ситуация начала быстро меняться⁶⁶; приведем в сокращенном виде рассказ одного из активистов школь-

64 В оригинале фамилия. В ноябре 1992 года в селе было образовано ТОО «Уэлькаль». Формы работы: клеточное звероводство, промысел пушнины, изготовление технического жира, охота на морзверя, в проекте – косторезный цех и цех по переработке сырья.

65 Там же.

66 См. подробно: KRUPNIK I., VAKHTIN N. *“In the House of Dismay”*... P. 22 и далее.

ной реформы, русского учителя географии и директора школы в селе Новое Чаплино Игоря Загребина:

«Мы решили развивать краеведческое направление [...] это ведь не только знания о природе или истории края, это и язык. Мы нашли [официально утвержденный] вариант программы, который позволял это сделать. Программы составляли сами учителя. Все делали сами – все пособия, весь наглядный материал».

Далее Загребин рассказывает о конкретных изменениях в программах начальной и средней школы и продолжает:

«Общая идея программы была – не потеряв научный уровень преподавания, предельно приблизить его к жизни села. Мы пытались также [...] ввести эскимосский и чукотский язык в том же объеме часов, как русский. [...] Этот процесс начался в 1990 году, когда было общее послабление школам, [...] сейчас [1995 год] очень трудно экономически, со снабжением школы. [...] В конце 1980-х годов вдруг все оживилось в школах, а сейчас все обрубилось»⁶⁷.

Сравните, поселок Рыткучи:

«После отделения от Магаданской области ничего не изменилось. Львиную долю бюджетных денег получают районы, близкие к Анадырю. “Мы просили, чтобы Чаунский и Шмидтовский районы оставили в Магаданской области, но Чукотка отказала. Теперь Анадырь все забирает себе”. Райком воспротивился созданию чисто национального класса (чукотского) с хорошей подготовкой: “Страшно воспитать даже один класс образованных местных: они же, сплотившись, предъявят нам счет”»⁶⁸.

Подчеркнем, что эта попытка приспособить школьную программу к реальной жизни национального села была инициирована русским директором школы и осуществлялась силами учителей – эскимосов и чукчей: с отъездом многих русских учителей в 1995 году в школе из шестнадцати учителей двенадцать были представители коренных национальностей. Важно и то, что благодаря международным связям большинство учителей-эскимосов смогли получить опыт стажировок в школах Аляски по специальным программам обмена опытом в преподавании родного языка и культуры. В 1995 году мы писали:

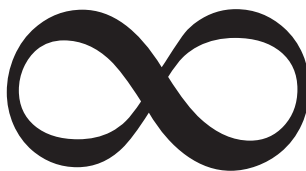
«Перемены в отношении к образованию – пожалуй, самое отрадное, что можно было наблюдать на Чукотке летом 1995 года. Конечно, материальное положение системы образования очень тяжелое, но изменения к лучшему, как нам кажется, возможны. Этому способствуют изменившийся национальный состав сельских учителей и их единодушная убежденность в том, что существующие программы

67 Отчет. 1995.

68 ВАХТИН Н.Б. Указ. соч.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

обучения нужно кардинально менять. Более того, впервые это также признают и окружные власти, которые пытаются оказать им сильную помощь»⁶⁹.

Интересно понять мотивацию русского директора школы и местных (эскимосских) учителей в этом процессе. Думаю, что в процитированных словах Загребина ключевым для этого является слово «ослабление»: если в советское время вся деятельность школы была предопределена и жестко контролировалась, то начавшиеся в конце 1980-х политические и социальные процессы резко увеличили неопределенность. Многие учителя уехали, оставшиеся не хотели продолжать привычное преподавание по прежним программам и пытались использовать открывшееся окно возможностей, чтобы придать своей работе новый смысл.

Если в советское время деятельность школы жестко контролировалась, то начавшиеся в конце 1980-х политические и социальные процессы резко увеличили неопределенность. Многие учителя уехали, оставшиеся не хотели продолжать привычное преподавание по прежним программам и пытались использовать открывшееся окно возможностей, чтобы придать своей работе новый смысл.

Кроме учителей и создателей новых форм экономической деятельности, активные попытки изменить ситуацию в округе к лучшему предпринимали журналисты ЧАО, старавшиеся использовать газету «Советская Чукотка», издававшуюся законодательной властью (вначале Советом окружных депутатов, позже – Думой ЧАО) как инструмент агитации за новые формы социальной жизни.

Можно привести и другие примеры того, как жители ЧАО в ситуации возросшей неопределенности ищут и находят новые возможности. Таких примеров довольно много и в газете «Советская Чукотка», и в наших полевых материалах. Вот несколько зарисовок:

Некий Зайцев завел частное хозяйство – выращивает гусей, уток, кроликов, построил парник⁷⁰ и успешно торгует мясом и овощами. Некий Самсонов открыл частное информационное агентство, снабжает клиентов статистической информацией.

⁶⁹ Отчет. 1995.

⁷⁰ Советская Чукотка. 1992. 25 января. С. 5.

Корреспондент пишет про него: «коренной северянин, Чукотка для него родина, никуда уезжать он не собирается»⁷¹. В статье «Хорошие вести» читаем про различные успехи производителей и заготовителей, чья работа свидетельствует о том, что резервы у округа есть и при энергичной работе округ может обеспечить себя продовольствием. Закачивается статья так: «Мы будем рады опубликовать интервью или статью о первых успехах фермеров, частных предпринимателей. Их опыт должен стать достоянием всех. Мы должны учиться друг у друга, помогать друг другу пережить наше нелегкое время»⁷². Таких публикаций в этой газете довольно много. Еще примеры.

Поселок Уэлькаль: «Есть люди, которые тихо делают свое дело: один разводит песцов (уже 30 штук), другой построил теплицу, выращивает и продает огурцы. Прапорщик местной пограничной заставы (мыс Шмидта) построил свинарник и держит свиней – у него 50 свиней, содержатся в исключительной чистоте, прирожденный фермер»⁷³.

Поселок Андрюшкино (Якутия): «Несколько человек создали частный бизнес: гоняются на “Буранах” за дикими оленями, добывают и продают мясо. Это мясо очень ценится, хорошо зарабатывают, хотя и приходится много и тяжело работать. Многие семьи вместе с детьми участвуют в изготовлении сувениров из кости мамонта или из оленьих рогов»⁷⁴.

К той же категории относятся и предприниматели, торговцы, транспортники, а также описанные выше создатели общин, учителя и журналисты. После краха экономики ЧАО, когда многим в отсутствие какой-либо зарплаты и снабжения пришлось вспоминать традиционные промыслы, в эту же категорию вошли охотники и рыбаки, кормильцы семей и поселков. Для нашей темы важно, что с точки зрения их места в системе эти успешные предприниматели и торговцы, транспортники и учителя были неоднородны; так, бывшие советские начальники, бывшие партийные функционеры, даже мелкие, имели, конечно, преимущество перед «низшими эшелонами» при приватизации, при получении кредитов, а следовательно – и в развитии собственного бизнеса⁷⁵.

Мы видим, что в самом начале 1990-х в ЧАО, как и в соседней Якутии, началось активное движение населения, прежде всего коренного, за большую свободу в области образования, за экономическую и хозяйственную самостоятельность на базе

71 Советская Чукотка. 1992. 11 февраля. С. 5.

72 Советская Чукотка. 1992. 18 июня. С. 4.

73 Вахтин Н.Б. *Указ. соч.*

74 Там же.

75 THOMPSON N. *Op. cit.* P. 122.

традиционных промыслов (в случае ЧАО – с опорой на международную помощь). Лидерами этого движения в ЧАО стали коренные жители, увидевшие в ситуации растущей неопределенности надежду добиться каких-то улучшений своей жизни⁷⁶.

К 1996 году эти тенденции сменились апатией, снижением роли общественных организаций и затуханием разговоров вокруг идеи общественного самоуправления⁷⁷. Национальные ассоциации, созданные в начале 1990-х на волне бурного общественного подъема (в Якутии – при прямой поддержке республиканских властей), начали быстро терять свое влияние из-за отсутствия независимой финансовой базы и юридически закрепленного правового статуса. В «Отчете» 1996 года мы отмечали:

«[Произошло] резкое усиление, даже по сравнению с 1995 годом, роли окружной исполнительной власти. Администрация округа постоянно и настойчиво расширяет сферы своего контроля, используя в первую очередь финансовые, а также административные механизмы. [...Имеет место] безусловный кризис доверия к формам низовых экономических инициатив коренного населения, и прежде всего – со стороны самих коренных жителей»⁷⁸.

Не последнюю роль в этом сыграла политика «высших эшелонов». Приведем лишь один пример. 11 октября 1990 года в газете «Советская Чукотка» появилась статья «Гримасы приватизации?», в которой рассказывалась обычная для тех времен история. Представитель некоей фирмы из Магадана приехала в Анадырь подписывать договор на приватизацию нескольких предприятий общепита. Корреспондент газеты, Маргарита Дობроцкая, усомнилась в полной прозрачности происходящего, посоветовала на то, что власти в этом важном вопросе не советуются с горожанами, и закончила статью следующим пассажем:

«Создалось впечатление, что советоваться руководство округа – в лице председателя окрисполкома А.В. Назарова – не собирается: “варяги” из Магадана уже всюду готовят проекты договоров... Вызывают уважение их оперативность и расторопность, соблазняют обещанные “золотые горы”. Но кое-что вызывает и настороженность – не хотят ли магаданские бизнесмены подешевле “срубить” то, что “плохо лежит”. Эдакая ловля рыбки в мутной водичке... А если Александр Викторович Назаров владеет точной информа-

76 Согласно теории Брайант и Найта, надежда – это активная позиция по отношению к будущему, стремление к актуализации определенных возможностей (BRYANT R., KNIGHT D.M. *Op. cit.* P. 134).

77 Сошлюсь еще раз на Брайант и Найта: какой из вариантов будущего будет регулировать наше поведение, зависит от «ориентации» (важный для данной теории термин). «Ориентации влекут за собой планирование, надежды на будущее и воображение будущего, они также часто влекут за собой крах и ослабление попыток достичь будущего: в этот момент надежда может превратиться в апатию, планирование – в разочарование, воображение – в усталость» (Ibid. P. 19).

78 *Отчет.* 1996.

цией, что магаданцы заботятся исключительно о благе анадырцев, почему же он не снизошел обрадовать их, хотя бы через газету Советов? Почему бы, например, не устроить аукцион – кто больше?! И не очередная ли это попытка области заблокировать самостоятельность Чукотки, захватив в свои руки самые важные вопросы: снабжение, питание. Прав мэр Анадыря: в новом для нас деле приватизации не стоит рубить с плеча. Разгосударствление не должно превратиться в разбазаривание!»⁷⁹

Через десять дней в газете появилась новая заметка:

«Имеет ли журналист право на собственное мнение? [...] А если это мнение расходится с мнением председателя окрисполкома? Такого в газете Советов быть не может – считает Александр Викторович [Назаров]. Об этом он заявил по телефону: “Вашу Доброцкую нужно немедленно уволить из редакции. Всю редакцию разогнать и набрать новый штат!” – захлебывалась от крика телефонная рубка его голосом. [...] Оказывается, не по нраву ему пригласить статью “Тримасы приватизации”»⁸⁰.

Видно, что председатель окрисполкома (и будущий губернатор округа) воспринимает газету не как независимый источник информации, не как союзника в строительстве новой системы власти, а как опасного противника, то есть категорически не может принять ситуацию, когда власть в округе не единолична⁸¹.

* * *

Два отчетливо осознаваемых населением ЧАО периода – с конца 1980-х до начала 1993 года и с осени 1993-го и до конца десятилетия – резко различаются по настроению. Если в конце 1980-х растущая неопределенность скорее вызывала у многих людей надежду на позитивные перемены, то экономические проблемы начала 1990-х похоронили многие из этих надежд⁸².

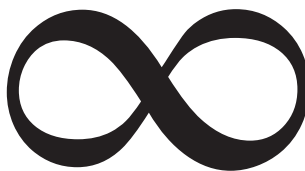
Многие пишущие на эту тему находят причинно-следственную связь между либерализацией конца 1980-х, «шоковой терапией» 1992 года и последующим тяжелым экономическим кризисом, больно ударившим по населению страны в целом и по ЧАО в особенности. Так, западные антропологи, занимавшиеся как Сибирью, так и другими российскими регионами,

79 Советская Чукотка. 1990. 11 октября. С. 4.

80 Советская Чукотка. 1990. 20 октября. С. 4.

81 Ср., поселок Амгуэма: «Как говорил мне один амгуэмский информант в 1993 году, телевизионные новости доходят “в отфильтрованном виде”, радио не доходит вообще, в газете нет ничего интересного» (ВАХТИН Н.Б. *Указ. соч.*).

82 См.: KRUPNIK I., ВАХТИН N. “In the House of Dismay”... P. 30; GRAY P. *The Predicament of Chukotka’s Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North*. New York: Cambridge University Press, 2005.

были (и остаются) последовательны в своем скептическом отношении к стратегии «шоковой терапии»; в отличие от многих политиков, они не считали, что переход к рыночной экономике быстро и без усилий «излечит от всех зол (существующих и выдуманных) “коммунистической” системы». Они показывали, что на всей территории бывшего СССР шли противоречивые процессы и что, если просто применять абстрактные политические схемы к реальной ситуации, это может привести к непредсказуемым результатам, иногда обратным желаемому⁸³.

Однако можно ли утверждать, что в начале 1990-х в ЧАО механизм саморегулирующегося рынка, который привел к экономическому, политическому и социальному кризису, был запущен благодаря политике «шоковой терапии»? Не в том ли дело, что «верхние эшелоны» не дали сработать этому механизму с помощью сознательного, планомерного и успешного сопротивления, которое и стало причиной экономического и социального кризиса?

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ВЗГЛЯД СВЕРХУ

По понятным причинам мы не располагаем детальными рассказами руководящих работников администрации ЧАО о своих действиях; прежде всего мы можем опираться только на материалы местной прессы (до 1993 года газеты ЧАО были еще довольно независимы), рассказы местных жителей и более поздние публикации⁸⁴. Однако и этих материалов достаточно, чтобы описать действия тогдашнего губернатора ЧАО и его окружения в интересующем нас аспекте.

После августа 1991 года «высшие эшелоны» в ЧАО оказались представлены двумя лицами: Александром Назаровым, занимавшим высший пост в исполнительной власти, и Владимиром Етылиным, занимавшим такой же пост во власти законодательной. Оба были профессиональными управленцами, членами КПСС, с опытом работы в партийном и хозяйственном аппарате; каждый считал себя «хозяйном округа», так что кон-

83 Нильсен Ф. *Указ. соч.* С. 10. Как писал еще в 1944 году Карл Полаanyi, слепая вера в саморегулирующийся рынок ведет к тому, что все социальные изменения начинают восприниматься как нормальные. Если изменения идут слишком быстро, их, вообще говоря, следовало бы замедлить: «Процесс неуправляемых изменений, темп которых считается чрезмерным, следует, если возможно, притормозить ради блага общества. Но подобные простые истины [...] были в XIX веке буквально стерты из сознания образованной публики разьедающим воздействием примитивного утилитаризма вместе с некритической верой в “самоисцеляющие свойства” стихийного развития» (Полаanyi К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени.* СПб.: Алетейя, 2014. С. 45).

84 GRAY P. *Chukotka Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition*; IDEM. *The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement...*; THOMPSON N. *Op. cit.*

фликт между ними был неминуем⁸⁵. Ситуация в округе в то время описывалась как «двоевластие» – термин, знакомый каждому советскому школьнику: так в учебниках называлась ситуация между февралем и началом осени 1917 года, когда власть в стране была разделена между Временным правительством и Советами; это слово могло вызвать в сознании людей только негативные коннотации⁸⁶. Оба «хозяина» боролись за единоличную власть, при этом Назаров ставил на президента, Етылин – на Верховный Совет.

Не известно, чем бы закончилось это противостояние, длившееся несколько лет, если бы не московские события октября 1993 года. О том, как они отразились на жизни ЧАО и как были использованы администрацией губернатора, имеет смысл сказать немного подробнее.

9 октября 1993 года Ельцин подписал указ о реформе органов представительной власти и местного самоуправления⁸⁷. В соответствии с этим указом предписывалось провести выборы в новые органы власти, а до этого «исполнительно-распорядительные функции, закрепленные [...] за Советами народных депутатов [...] осуществляются администрацией соответствующего субъекта Российской Федерации»; в случае же невозможности выполнения Советами своих функций эти функции «временно осуществляет соответствующая администрация»⁸⁸.

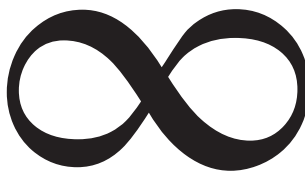
Через десять дней «малый Совет» окружного Совета народных депутатов ЧАО принял решение о реализации этого указа на территории ЧАО и передал губернатору соответствующие полномочия. Еще через десять дней, 29 октября, губернатор учредил газету «Крайний Север» и подписал постановление

85 Александр Викторович Назаров (р. 1951) – в 1991–2000 годах губернатор ЧВО. Окончил Макеевский инженерно-строительный институт и Хабаровскую высшую партийную школу. В 1996–2000 годах – член Совета Федерации по должности, в 1996–2003-м – председатель Комитета по делам Севера и малочисленных народов, в 2003–2009-м – аудитор Счетной палаты России. Владимир Михайлович Етылин (р. 1944) – родился в чукотской семье, окончил Магаданский политехникум (1964), Хабаровскую высшую партийную школу (1975), экономический факультет Приморского сельхозинститута (1983), аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС (1989). Был секретарем парткомов двух совхозов, секретарем Чаунского и первым секретарем Чукотского райкома КПСС, вторым секретарем Чукотского окружкома КПСС, членом Магаданского обкома КПСС. В 1989–1991 годах – народный депутат СССР от Чукотки, член Верховного Совета СССР. В 2001–2003 годах – депутат Государственной Думы России от Чукотки. Один из создателей Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, и других общественных организаций коренного населения.

86 Это сегодня мы понимаем, что двоевластие (в отличие от ситуации в бывшей Российской империи 1917 года) – синоним принципа разделения властей, основа демократического устройства общества и совершенно нормальное состояние для любой страны; однако, судя по событиям 1993 года, в то время этого в России не понимал никто.

87 Указ Президента Российской Федерации от 09.10.1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации».

88 Горькая ирония состоит в том, что указ Ельцина, уничтоживший представительную власть в России и передавший фактически неограниченные полномочия президенту, был принят, как явствует из его первых строк, «в целях обеспечения подлинного народовластия и реализации конституционного принципа разделения властей».

«О прекращении деятельности редакции газеты “Советская Чуколка”» (опубликовано 4 ноября). Через два месяца губернатор ввел в ЧАО чрезвычайное положение⁸⁹, мотивируя это сложностями с взаимными расчетами между предприятиями, обеспечивающими округ теплом, что «может повлечь крупные аварии на производстве и поставить под угрозу жизнь и здоровье населения». Постановление вводило режим чрезвычайного положения с 23 декабря сроком на тридцать суток; в первом пункте подчеркивалось: «Введение чрезвычайного положения не предполагает ограничения прав и свобод граждан на территории округа». Однако далее оно содержало ссылки на статью 24 параграф «г» Закона РСФСР «О чрезвычайном положении» (о мерах по мобилизации ресурсов предприятий), а также требовало «строго руководствоваться» статьей 22 этого закона. Эта статья предусматривала, в частности, а) особый режим въезда и выезда, а также ограничение свободы передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение; б) усиление охраны общественного порядка и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения; в) запрещение проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, а также иных массовых мероприятий; г) запрещение забастовок; д) ограничение движения транспортных средств и их досмотр. Всеми этими пунктами губернатор, оставшийся в округе единоличным «хозяином», воспользовался в полной мере.

Томпсон⁹⁰ подробно описывает то, что он назвал «опечатыванием» (*sealing off*) ЧАО: ограничение на въезд посторонних, прежде всего иностранцев; отказ от иностранной помощи коренному населению; жесткий контроль информации, исходящей из округа вовне; ужесточение пограничного контроля, а также неизбежные при отсутствии обратной связи с населением ошибки и упущения в управлении. Он объясняет такое поведение власти «инстинктом монополизировать контроль и исключить конкуренцию со стороны альтернативных “патронов”»⁹¹. В частности, губернатор понимал, что общины коренного населения не полностью охвачены сферой его покровительственного влияния, и считал, что они представляют собой потенциальную угрозу для его власти. Ограниченный успех некоторых местных организаций в налаживании сотрудничества с частными благотворительными организациями Аляски и других регионов лишь усилил эти подозрения⁹².

89 Постановление «О введении чрезвычайного положения на территории Чукотского автономного округа» от 23.12.1993 г., № 316 (КС, 28.12.1993).

90 THOMPSON N. *Op. cit.* P. 100–102.

91 *Ibid.* P. 102.

92 *Ibid.* P. 106.

Хорошая иллюстрация здесь – судьба районного центра Беринговский⁹³. В 1989 году здесь жили около пяти тысяч человек, в основном работавшие на угольных шахтах. К середине 1990-х условия жизни здесь стали ужасающими: в поселке не стало воды, тепла и канализации. Чтобы скрыть этот кризис, между 1997-м и 2000 годом сюда не допускались никакие внешние визитеры, а местные органы безопасности по распоряжению администрации округа должны были не пропускать никакой информации об условиях жизни в поселке ни в письмах, ни в телеграммах. Междугородной телефонной связи также не было. Жители пытались передать сведения о бедствии в Анадырь и в Москву, но безрезультатно.

Томпсон описывает происходившее в те годы в простых и грубых терминах («мафия», «воры в законе» и тому подобные): тогдашняя «элита» ЧАО «жадно обглаживала» округ, ничуть не интересуясь не только его развитием, но и простым выживанием населения; для правящей группы процесс выкачивания ресурсов из Чукотки и перевод средств за ее пределы был «стратегией, обеспечивающей собственный отъезд из округа на наиболее выгодных условиях»⁹⁴. Каждый, кто пытался этому помешать или хотя бы имел о происходящем мнение, не совпадающее с мнением губернатора, немедленно оказывался «врагом», на которого обрушивался губернаторский гнев – а затем и подчиненный ему репрессивный аппарат.

Существуют разные мнения относительно причин всего этого. Бент Нильсен отмечал, что в округе продолжали доминировать отношения и структуры советского времени, и объяснял это через концепцию *зависимости от пройденного пути (path dependency)*⁹⁵. Томпсон считает, что причины – в бесконтрольности губернатора ЧАО в 1993–1997 годах, когда тот получал средства из центра и имел возможность «распоряжаться ими как хотел, награждая лояльных и наказывая несогласных»⁹⁶. При этом для губернатора ЧАО и его ближайшего окружения было важно держать подчиненных в неведении относительно принципов и правил распределения бюджета⁹⁷.

Чем бы ни объяснялось такое поведение «высшего эшелона системы», ясно, что принадлежавшие к нему люди восприняли возросшую неопределенность жизни и как появление новых возможностей личного обогащения, и как угрозу своей власти и сделали все, чтобы сохранить *status quo*, контроль над окру-

93 Ibid. P. 102.

94 Ibid. P. 107–109, а также – особенно – P. 123.

95 NIELSEN B. *Op. cit.*

96 THOMPSON N. *Op. cit.* P. 103.

97 Ibid. P. 105.

гом и привычные патрон-клиентские отношения, причем не только с коренным, но и с местным населением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ – РЕСУРС ИЛИ БЕДСТВИЕ?

Выше мы показали, что разные группы населения ЧАО в 1990-е реагировали на растущую неопределенность по-разному. Как можно определить эти группы?

Бент Нильсен выделяет две различные, но параллельно существующие тенденции поведения населения ЧАО. Первая – широко распространенная – это тенденция к пассивности и беспомощности; вторая свойственна небольшой группе (в том числе и некоторым представителям коренного населения), которая готова проявлять инициативу и действовать относительно независимо в пределах существующих политических и административных рамок (см. примеры выше)⁹⁸. Патти Грей пишет еще об одной группе – «коренных активистах», которые располагались между доминирующими городскими русскими жителями и коренным сельским оленеводческим населением. Эти активисты – часть системы: в советские годы они находились почти в самом низу социальной иерархии, но все-таки не так низко, как коренные охотники или оленеводы. Они, как и все, привыкли получать социальные блага от «верхних эшелонов» и перераспределять их вниз. В советское время существовали правила (*scripts*), которые определяли место этих активистов в системе. Конечно, все они получали благословение партийных органов, и чаще всего инициатива различных мероприятий тоже исходила сверху. Сами активисты были, как правило, членами КПСС; они отлично знали неписанные правила, знали свою роль, знали, какого поведения от них ждут. После 1991 года те же люди активно включились в новые активистские движения. Подсознательно они, как кажется, хотели, чтобы все оставалось, как раньше, но только чтобы в новой ситуации им досталось больше той самой (пере)распределительной власти:

«После распада СССР эти люди, как им казалось, не делали ничего качественно иного по сравнению с тем, что они же делали при советской власти [...] для них их новые карьеры были естественным [*seamless*] продолжением предыдущих»⁹⁹.

Оппозиция «коренной – приезжий», адекватная описанию ситуации в ЧАО в первой половине XX века, перестала к 1990-м

98 NIELSEN B. *Op. cit.* P. 178.

99 GRAY P. *Chukotka Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition*. P. 31; см. также: IDEM. *The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement...* P. 150–152.

соответствовать реальности. Этому, собственно, посвящена вся книга Томпсона, которая открывается фразой: «Одна из важных нерассказанных историй Севера скрывается за подсознательной верой в то, что мы знаем, кто здесь коренной, а кто лишь приезжий»¹⁰⁰. Существовавшая в советскую эпоху иерархия привилегий приезжих по отношению к коренным в 1990-е перестала быть абсолютной, поскольку выживание и успех теперь во многом зависели от личных усилий и перестали быть жестко определены этнически¹⁰¹. Опыт выживания в 1990-е – в условиях, когда государственная власть временно ослабла, – вынудил многих приезжих проявить предприимчивость и инициативу, использовать опыт местного населения, перенять местные практики. Это породило среди приезжих чувство принадлежности, практической и эмоциональной связи с этой землей¹⁰². Об этой «новой локальности» писали и мы:

«После 1991 года Чукотку покинули тысячи “приезжих” в поисках лучшей жизни в других частях России и в новых независимых государствах, тысячи оставшихся ощутили Чукотку своей законной родиной, [...] само понятие “родина” подверглось серьезной переоценке. [...] “Домом” человека стало место, где он родился, где он жил в детстве, женился или просто провел важные годы своей жизни. Это очень личное и эмоционально нагруженное понятие “родины” сменило прежний образ Советского Союза, охватывающего 10 часовых поясов, который считался “родиной” для всех советских людей. Новая “локальность”, меняющийся взгляд на региональную лояльность теперь основывался на крепких личных связях, а не на стереотипах прежней империи»¹⁰³.

Эти и другие группы населения, выделенные по разным основаниям и образующие сложные конфигурации, реагировали на резко возросшую неопределенность 1990-х по-разному. В заключение рассмотрим одну из возможных моделей типовых сценариев таких реакций.

Поскольку ситуация кризиса повышает неопределенность, а неопределенность в свою очередь дает не только снижение предсказуемости (возможности планирования), но и рост потенциальных возможностей развития, можно ожидать, что разные группы населения выберут разные сценарии поведения. Для кого-то рост неопределенности – это прежде всего увеличение «веера возможностей», для кого-то – снижение возможности планирования¹⁰⁴. Население ЧАО на начало 1990-х отчетливо структурируется по двум осям:

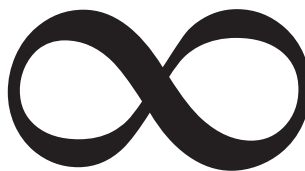
100 THOMPSON N. *Op. cit.* P. 3.

101 *Ibid.* P. 114.

102 *Ibid.* P. 115–116.

103 KRUPNIK I., ВАХТИН N. “*In the House of Dismay*”... P. 19.

104 Этот подход восходит к идею Вебера о жизненных шансах и рисках. Вебер учитывал как реальные жизненные возможности и шансы человека, так и его реальные лишения и потенциальные риски. Приме-

1) *Коренное – местное – приезжее население*. Операциональное отличие *местного* населения от приезжего – это решение уехать или остаться в ситуации, когда такой выбор был возможен. Для многих представителей местного населения, впрочем, решение остаться поначалу могло быть вынужденным, однако при изменении ситуации в ЧАО в начале 2000-х они имели возможность либо подтвердить, либо отменить свое решение.

2) «*Высший – средний – низший эшелон системы*». К «высшему» мы относим чиновников окружных и районных органов власти, руководителей предприятий (как правило, все они в советское время были членами КПСС), высших офицеров и так далее. Количественно оценить эту группу трудно, но думаем, что в ЧАО она не превышала нескольких сотен человек. К «среднему» можно отнести квалифицированных работников дошкольных учреждений, школьных учителей, врачей, работников культуры (дома культуры, библиотеки и прочие), высших работников поселковой торговой системы, инженеров – то есть тех, кого можно назвать «поселковой верхушкой». Полагаю, что эта группа составляла около 10% всего населения ЧАО, то есть на начало 1990-х порядка пятнадцати тысяч человек. К «низшему эшелону» мы относим всех остальных.

По этим двум осям население отчетливо разбивается на группы по реакции на рост неопределенности.

Представители *коренного* населения, относящиеся к «*высшему*» (единицы) и «*среднему*» (десятки) «эшелонам», стремились использовать рост неопределенности, чтобы расширить сферу своей деятельности и власти. Представители *коренного* населения «*низшего* эшелона» поначалу пытались использовать появившиеся возможности, чтобы избавиться от надоевшей опеки приезжих (создание организаций коренного населения, образование общин, попытки организовать производство и сбыт продукции), однако, когда стало понятно, что порожденный действиями «высших эшелонов» экономический кризис не даст развиваться этим инициативам, быстро потеряли к ним интерес и пополнили ряды тех, кто воспринимал предыдущее состояние «стабильности» (проще говоря, застоя) и зависимость от государства как благо.

Представители *местного* населения «*среднего* эшелона системы» в основном восприняли рост неопределенности как шанс и попытались выстроить что-то новое. Отчасти к ним примкнули и *местные* жители «*низшего* эшелона», однако большинство людей этой группы – те, для кого решение остаться-

нительно к конкретным исследованиям российской ситуации эта модель детально разработана в главе, написанной Василием Аникиным для книги «Общество неравных возможностей» (*Общество неравных возможностей... С. 17 и далее*).

ся было скорее вынужденным, – отнеслись к происходящему как к несчастью, то есть повели себя, скорее как коренные жители «низшего эшелона» (и позже, когда такая возможность появилась, покинули ЧАО).

Наконец, *приезжие* жители, практически независимо от «эшелона», отнеслись к происходившему как к бедствию; практически все они уехали, при этом обеспечив себе (в большей или меньшей степени, в зависимости от своего места в иерархии власти) комфортные условия жизни на новом месте.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

Опыт выживания в 1990-е – в условиях, когда государственная власть временно ослабла, – вынудил многих приезжих проявить предприимчивость и инициативу, перенять местные практики. Это породило среди приезжих чувство принадлежности, практической и эмоциональной связи с этой землей.

Необходимо подчеркнуть, что наша несложная модель описывает не поведение конкретных людей, а категории и типы возможного поведения; конкретные люди могли вести себя в соответствии то с одним сценарием, то с другим, противоречить себе в своих оценках происходящего и так далее. Есть и индивидуальные исключения, когда, например, представитель коренного населения, относящийся к «низшему эшелону системы», неожиданно ведет себя так, как будто он принадлежит к «высшему» – и наоборот.

Считать неопределенность проблемой или ресурсом, угрозой или шансом зависит не в последнюю очередь от того, к какому «эшелону системы» человек принадлежит. Если к «высшему», то скорее всего для него повышение неопределенности будет угрозой и он будет делать все для ее снижения и возвращения стабильности. Если к «низшему», то вероятность, что человек увидит в растущей неопределенности шанс изменить свою (и не только свою) жизнь к лучшему, будет существенно больше.

В реальной истории ЧАО «верхний эшелон системы», состоявший практически полностью из приезжих, оказался союзником той более пассивной части населения, которая рассматривала растущую неопределенность как угрозу и опасность, а не той активной части, для которой она была шансом и ресурсом. Если бы на месте губернатора оказался другой, который, наоборот, нашел бы опору в активной части населения, воспользовался бы внезапно появившимися возможностями, судьба ЧАО в 1990-е могла быть совершенно иной.

